

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6
Ц76

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Издательство благодарит Наталию Разлогову и Джоанну Стингрей за предоставленные фотографии

Фотографии на обложке — Виктор Лаврешкин и Валентин Скляров

Ц76 Виктор Цой и группа «КИНО». Настоящая история группы. Полное собрание цветных фотографий — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 208 с. — (Звезды века)

ISBN 978-5-17-114816-4

15 августа 2020 года исполнилось 30 лет с того дня, как в автомобильной катастрофе трагически погиб лидер рок-группы «КИНО» — Виктор Робертович Цой. Новый альбом посвящен истории команды от основания, и заканчивая ее последними концертами. В книге собраны воспоминания друзей, соратников, музыкантов, режиссеров, организаторов концертов, фотографов, журналистов, поклонников легендарной четверки.

Впервые в одном издании в таком объеме опубликованы фотографии группы в цвете, а также рисунки Виктора Цоя.

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6

Концерт «КИНО» в СКК им. Ленина.
Ленинград, 28 октября 1988 года
Фото — Валентин Скляр

Алма-Ата. Осень 1987 года.
Автор фото неизвестен

ПРЕДИСЛОВИЕ

115 августа 2020 года исполнилось 30 лет с того дня, как в автомобильной катастрофе погиб Виктор Цой. Лидеру рок-группы «КИНО» было всего лишь двадцать восемь лет, когда его маленький «Москвич» на полном ходу врезался в большой рейсовый «Икарус», на пустынной трассе Рижского взморья.

Сложно в это поверить, однако сомневаться не приходится. Цоя нет с нами практически тридцать лет, и тем не менее — Цой жив. И это не просто слова на заборе. Он по-прежнему жив в сердцах тех, кому довелось ходить еще на квартирные концерты в далекие восьмидесятые, его песни находят отклик в душах сегодняшних пятнадцатилетних, тех, кто услышал и узнал Цоя по-настоящему тогда, когда уже давно все стало можно, когда уже не заберут в милицию за значок на куртке, и родителей никто не вызовет на педсовет за то, что ты любишь рок. Из чего же сложилась посмертная слава и жизнь лидера «КИНО»? Конечно же благодаря его таланту, прекрасным жизненным песням и людской благодарной памяти. Есть еще труд фотографов того непростого времени, серьезная ответственная работа, благодаря которой мы с вами можем видеть группу «КИНО» как на сцене, так и на отдыхе, в дружеской неформальной обстановке, на серьезных мероприятиях и рок-клубовских тусовках. Казалось бы, прошло почти тридцать лет, какие фотографии, скажете Вы, все давно известно и опубликовано. И ошибетесь. Всем давно известна мистика, окружающая имя Виктора Цоя, и весьма часто таинственный и загадочный восточный воин Цой, преподносит всем сюрпризы, которые в буквальном смысле повергают многих в состояние тихого, но приятного шока.

Андрей Коткин, фотограф:

«Недавно, перебирая негативы, совершенно случайно (или не случайно?) нашел снятые почти 30 лет назад... На этих фотографиях время. Тогда не только другая мода была, но — совсем другая страна: в чем-то хуже, а в чем-то, как теперь выясняется, и лучше сегодняшней. Тогда продукты, водку и даже мыло продавали по талонам, об отдыхе на зарубежных курортах никто не помышлял, а обо всем, что сделалось привычным сейчас, мы могли лишь мечтать. Но именно тогда было возможно явление, увы, невозможное теперь, — явление по имени Виктор Цой...»

Немного перефразируя слова фотографа Виктора Елизарова, можно сказать, что фотографы внесли свой огромный вклад в память о Викторе Цое. Донесли его образ до людей. Сохранили на фото. И им, эти людям, безусловно есть чем гордиться. Пусть не все сегодня адекватны, не все сумели сохранить человеческое лицо в условиях капитализма и сложной финансовой обстановки, но тем не менее. Ценность сохранившихся фотографий сегодня невозможно приуменьшить. Цоя нет с нами, но мы с Вами его не только слышим, но и видим. Причем довольно часто появляются все новые и новые, не известные доньше кадры... Цой поборол смерть, и сегодня это совершенно непреложный факт.

Весной 2017 года появилась идея издания памятного фотоальбома, посвященного группе «КИНО». С большим трудом и ценой невероятных усилий идея была реализована, и альбом увидел свет. Поклонники высоко оценили данную работу и настойчиво требовали продолжения подобных изданий. Поскольку фотоматериала у нас было достаточно, после непродолжительных размышлений мы начали готовить к изданию второй

памятный альбом, в который решено было включить и фотографии рукописей, рисунков Виктора Цоя, которые до этого ранее практически не издавались. Второй памятный фотоальбом вышел в свет в конце мая 2018 года и, так же как и первый, моментально стал хитом продаж. На одной из презентаций второго альбома поклонниками «КИНО» была подана идея — издать третий альбом, на этот раз — «в цвете».

Идея хорошая, разумеется, однако воплотить ее в реальность было очень сложно технически и весьма дорого материально. Тем не менее нам было к чему стремиться, и мы с Виталием сделали все, что от нас зависело, и даже больше. Хочу сказать спасибо всем тем людям, кто помог в выходе этого фотоальбома. Благодарю за понимание родных и близких мне людей, всех тех, кто был рядом во время работы над данным альбомом, кто верил и надеялся, всем тем, кто искренне ждал выхода, несмотря на множество бытовых и житейских проблем. Спасибо Вам, милые и дорогие мне люди...

Спасибо Наталии Разлоговой, Александру Цою, Джоанне Стингрей, спасибо музыкантам группы «КИНО» — Юрию Каспаряну, Игорю Тихомирову за поддержку и адекватную оценку издаваемых проектов. Отдельная благодарность Виталию Фролову и администратору группы «КИНО» Юрию Белишкину за помощь и предоставленные материалы.

Публикация многих известных и неизвестных фотографий, черновиков и рисунков, приведенных в этом альбоме, стала возможной благодаря многим людям, которым очень хочется сказать спасибо. Огромная человеческая благодарность Дмитрию Конрадту, Алексею Кропоткину, Виктору Лаврешкину, Валентину Склярову, Евгению Фалееву, Григорию Позднякову, Леониду Гусеву, Анатолию Кругловенко, Александру Ильховскому, Александру Бойко, Анатолию Азанову (посмертно), Георгию Молитвину (посмертно), Юрию Холмогорскому (посмертно), Борису Асриеву (посмертно), Йону Кальдану, Кристиану Панвиру, Александру Турчанинову, Евгению Габриэлеву, Игорю Мальцеву, Геннадию Яхимовичу, Павлу Гукову, Агнеш Феденфельд-Хорват, и другим, чьи материалы использованы в этой книге. Совершенно отдельно хочу выразить особую благодарность людям, поддержавшим меня в этом начинании, людям, которые, несмотря на все сложности современной жизни, нашли возможность помочь подготовить данную работу.

Огромное спасибо семье Масливец (Санкт-Петербург), Василию Игнатьеву и группе «Фильм» (Санкт-Петербург), Владимиру Воробьеву (Нижний Новгород),

Выражаем благодарность также всем, кто помогал в установлении датировок и поиске верной информации, касающейся группы «КИНО», в частности — Алексею Марчене, Владимиру Долгову, Роману Бурову, Денису Буркину, Владимиру Митину, а также Оксане Печкобей, Оксане Омельчак, Владимиру (Хорус) и прочим. По-прежнему остается надеяться на понимание и терпение поклонников «КИНО» и повторить, что всем нам остается «одно лишь слово — верь». Цоя с нами нет, но Цой жив и по-прежнему пишет песни. И мы с Вами их слышим. И видим новые, ранее неизвестные фото. И хочется верить в то, что Цой никогда не споет нам ту самую песню, после которой будет больше не о чем петь...

*Дай мне карту дорог страны чудес,
Дай корабль, чтобы плыть в море огня.
Спой мне песню, чтоб больше было
не о чем петь...*

Фотосессия дома у Георгия Гурьянова. Ленинград.
Фото — Валентин Складов

1982

Летом 1981 года в крымском поселке Морское компания молодых людей Алексей Рыбин, Виктор Цой и Олег Валинский создали новую группу, получившую название «Гарин и Гиперboloиды». Сегодня мало кто помнит, что легендарная группа «КИНО» когда-то называлась именно так...

Алексей Рыбин, сооснователь группы «КИНО»:

В средней школе я начал играть в школьном ансамбле. Постоянно ездил на «толчок», который находился возле магазина «Юный техник» на улице Червоного Казачества, где продавали виниловые пластинки. Я их собирал, перепродавал. Там же встретился с Андреем Михайловым (Дюша Маленький), Олегом Валинским, Борей Ободовским. Вместе мы организовали группу «Пилигрим», играли хард-рок. Однажды познакомился с прекрасным знатоком и ценителем музыки Андреем Пановым (Свин), который жил неподалеку от меня на проспекте Космонавтов. Мы с друзьями-меломанами часто у него заседали. Заходила к нему и группа «Палата №6», в которой играл Витя с Максимом Пашковым. Я увидел Витю на квартире у Свина, где мы часто тусовались, репетировали, пили сухое вино, подогретое в духовке до 40–60° С. Это была наша творческая база. Виктор пришел во всем черном, его жилетку из кожзама украшали всякие булавки и цепочки. Волосы тоже были черные и длинные. В общем, вид он имел мрачноватый. «Меня зовут Рыба», — сказал я. «Меня — Цой», — ответил он. Так и познакомились, откупорили очередную бутылку и стали говорить о музыке. Я, кстати, потом еще долго считал, что Цой — это кличка, так же,

▲
Дома у Алексея Дидурова. Москва, Столешников переулоч, 1–2 января 1982 года. Фото из архива Сергея Рыженко

Цой в МИФИ. Москва, 20 октября 1982 года.
Фото — Игорь Простаков

как Рыба и Свин. Наши вкусы сходились на традиционном и прогрессивном роке. Музыка тогда для нас являлась главным критерием оценки человека при знакомстве. Вместо вопроса «Где работаешь?» спрашивали: «Играешь?» В то время я учился в техническом вузе, Витя — в ПТУ, окружающая действительность была ужасной. Плохая одежда, плохая еда, мрачные люди. Песня «Время есть, а денег нет, и в гости некуда пойти» — абсолютная правда. Все было чудовищно, кроме музыки.

После той, первой, встречи мы стали друзьями и плотно общались четыре года, три из которых не расставались вообще. Разъезжались только, чтобы навестить родителей. Чаше ночевали в гостях, где-то гуляли, ходили на концерты. Вместе играли, делали аранжировки песен первого альбома. Как мы решили создать группу? Просто. Предложили друг другу: «Давай вместе поиграем?» — «Ну, давай».

Олег Валинский, первый барабанщик группы «Гарин и Гиперboloиды», впоследствии «КИНО»:

С Лехой Рыбиным мы учились в одной школе в разных классах. Он был на год старше меня и остается, собственно. И школу, восьмилетку, он закончил, через год я закончил... Существовала группа «Пилигрим», в клубе мы уже начинали играть. И если говорить о том, что мы играли, да все играли — Black Sabbath, Uriah Heep, что-то там было свое, то есть такие вот вещи. И однажды, я не помню точно, с каким-то мужиком Лешка пришел. Учитывая, что он здесь жил на Космонавтов, а клуб был со стороны Витебского проспекта, там сейчас многоквартирный дом, это угол Степанова, Космонавтов, Витебского... Вот этот пятак был ареалом нашей жизни. Ну, пришел, мы играли. Он говорит: «А можно я тоже тут воткну гитару, что-нибудь поджемовать?» Я говорю: «Давай». Что-то поиграли. Я уж не помню, что... Ну и мы как-то собираемся, он говорит: «А хотите познакомиться, я тут знаю панков, хотите с панками познакомиться? Я говорю: «Ну, давай, интересно». Хотя я не был сторонником и не слушал никогда панк, не нравилось мне. Мне нравился такой традиционный рок всегда. Но интересно. Ну, он и повел. Свин жил тоже через Степанова, на той стороне, девятиэтажный дом. Приводит, такая интересная компания. Они говорят: о-о, пацифисты пришли. А мы были такие волосатые. Заходим, там совершенно такая контора бритых людей. Нам очень понравилось. Мы поняли, что панки — это не так плохо, как кажется. Понравилось времяпрепровождение, причем, я бы сказал так, что все-таки они были панки, скорее, во внешнем каком-то мире... Я еще говорю: «А чего это вы слушаете?» — «А почему мы не должны слушать?» Юфа там, Юфин сын, вот эти

все ребята... Да много там, Пиня очень выделялся, Пиночет, Игорь Покровский, тоже такой вот. Он выделялся, был колоритным сам по себе, слегка картавил.

Вот мое прозвище Базис пришло от Свины. Ну, Базис и Базис, у меня даже до сих пор адрес: базис собака лист точка ру. Я привык, потом забыл, потом мне кто-то напомнил, что я был Базисом...

А Цой как раз из общей толпы здорово выделялся. Цой по натуре не был лидером никогда. Он был тихоня, пил кофе, курил, ну такой какой-то. Может быть, еще и внешность не совсем русская тоже свое давала. Ну, Витя и Витя. Мы потом сошлись на том, что он же очень хорошо рисовал, поделки разные делал. Мы пытались толкать его плакаты, денег надо было. Продавали на Краснопутиловском, на «толчке», возили к «Юному технику» по субботам и продавали по пять рублей. Большой плакат стоил семь рублей, словом, 5–7, за сколько возьмут по большому счету и продавали. У меня дома висел Джин Симмонс очень красивый... Я, дурак, все пораздавал. Были тетрадки с текстами, которые Витя писал тогда. Я даже знаю, кому отдал, но мне, вроде, неудобно позвонить и сказать верни. Сейчас это дорого стоит. Ладно, подарил и подарил.

Тогда мы вместе еще не играли. Знали, что Цой играет в «палате №6», мы даже ее слышали, но продолжали играть в «Пилигримах». И вот эта вся тусовка Свинская... Мы ехали играть в какую-нибудь школу на выпускной вечер, они тоже ехали с нами. Как правило, выпускной вечер превращался в бардак, когда они приезжали. Они там отрывались по полной, им в голову приходили очень интересные идеи, эпатазирующие публику. Причем это все делалось беззлобно, но для обывателя это была ужасная вещь, непонятная. Хотя никакого вреда людям ни разу никогда не сделали, никого по большому счету не оскорбили. Но это были какие-то такие постановки, такой интрактив, который публику ставил на уши, и пересудов потом было очень много. А началось с того, что Свинья начал писать стихи в стиле панк. «Я очень люблю черную икру», «По Невскому шлялись наркомы, орали в ларьках алкаши, в канавах валялись дохлые гады, висели плакаты «ДАЕШЬ АНАШИ», «Мне в злобе приятнее жить. Я злобно смеюсь как дурак. Мне вермут приходится пить, я нюхаю красный кулак», такого плана. Кто-то ему предложил: а чего стихи, давай мы сделаем песни и какие-то незамысловатые штуки. И в один прекрасный день он обратился к нам. Слушайте, а давайте запишемся. — Ну, давайте запишемся, конечно, почему бы нет? Натаскали к нему в дом кучу всего: барабаны, аналоговый магнитофон, студийного ничего не было. Леха играл на гитаре, Цой на басу, Пиня как раз пел песню «Водка вкусный напиток»: «Сок — что это такое?

Детям лишь покупают его, и дети от этого зелья хворают и дохнут потом... И мы несколько дней все это писали. Как-то соседи все это терпели. А Лешка был знаком с Сергеем Рыженко. «Последний шанс» тогда разбежался, а он в это время играл у Макаревича, год, наверное, был скрипачом. И он заслал ему. Каким-то образом все это оказалось у Троицкого. Он тогда был в ЦК ВЛКСМ, по-моему, то ли уже уходил. И Троицкий сказал: а приезжайте сюда, поиграйте. По-моему, что-то у Рыбы об этом написано. И вот мы поехали в Москву. С этого как раз у нас все завязалось. Потом мы периодически куда-то выбирались: то в какой-то поселок в сторону Пскова. Там были студенческие лагеря, я помню, и мы ездили. И вот кто-то где-то выходил. Генерил там все это, как правило, Монозуб. Он как раз был таким лидером. Вроде ни на чем не умел играть, но в любой тусовке создавалось всегда впечатление, что главный он, а мы такие ребята при нем. Ну, во-первых, он достаточно колоритный, крупный. Всегда создавалось впечатление, что типа «вот я привел тут ребят». У него был большой талант... Он очень лихо входил в доверие. Он, кстати, привел к нам Майка, домой ко мне, который только что выпустил «Мою сладкую Эмму», еще магнитный альбом. Мы тогда это обсуждали, он у нас спрашивал — ребят, как играть. Да, мы все одновременно познакомились, в один день. Мы любили играть в «Монополию». Я работал смену, а мои предки по выходным уезжали на дачу тогда. И у меня была пустая квартира, у Лешки там мама жила, у Витьки тоже, и вот мы тут собирались. «Монополия» только появилась, нам просто было интересно, такая игра классная. У нас много, кстати, на «Монополию» собиралось народа, так мы познакомились с Каспаряном. Потому что это было такое ноу-хау. А с Каспаряном, кстати, я тоже играл еще параллельно с компанией, которая ездила по свадьбам и прочее, ну деньги нужны были, надо было на что-то жить. Как раз Юрка Каспарян, Максим Колосов играл, Димка Ержембовский и Мишка из «Телевизора» — Борзыкин. Вот у нас была такая контора, которая играла Beatles, Smokie, Сюзи Кутатро... То, что народ ест, учитывая специфику этой группы.

От Свины я тоже чего-то набрался. Причем в панк я так и не залез, а вот там были хорошие пластинки. Всё слушали, по большому счету. Grand Funk мне очень нравился. Не могу сказать, что мы с Цоем в то время играли постоянно. Куда-то вылезали, какие-то тусовочки были и прочее. А в июле построили СКК, где-то за год открыли, были первые концерты: группа «Форвард», первые советские рок-группы. Я помню, тогда мне очень нравилась эта тусня вокруг, впервые скейтбордисты появились на площадке, потому что там было много места.

Ну и как-то торчали, август, жарко, все разъехались. Чего делать? У меня отпуск, у Витьки не помню, что было, может, каникулы. Но он закончил уже, по-моему, учебу, у Лешки тоже все закончилось. Я говорю: — «Слушайте, поехали в Крым. Мы с мамой жили когда-то в Морском, в Крыму». — «Поехали в Крым»...

Приехали в Симферополь на поезде. Почему-то мы с Рыбой ехали на одном поезде, а так как не было билетов, Витька ехал на другом поезде. Но как-то быстро это все было, там повстречались. Помыкались, поездили по электричкам, очень хотелось к морю поближе. Выехали в какое-то место, «Солнышко» называлось. Такая степь, и мы сразу выскочили, разделись, нырнули, потом вышли — слушай, но здесь жить нельзя. Какие-то палатки, такой лагерь беженцев как будто. Мы вернулись в Симферополь, сели на автобус и поехали в Морское. И приехали в Судак. Автобус до Судака из Симферополя. Нас высадили, где-то часа через полтора должен автобус на Морское идти. Мы пошли в столовую. Заходят ребята, человек 20, с парой трехлитровых банок вина, там девчонки, мальчишки, такие все веселые, выпивают, закусывают. А у нас две гитары, какие-то бонги, какая-то шелупень, перкуссия. Ну, они там посидели, выпили. Мы вроде уже доедаем. Они подходят и говорят: «Слушайте, дайте гитару поиграть». — «Ну, берите, конечно. Но мы вот в принципе доедаем, у нас автобус». — «А вы куда?» — «Мы в Морское». — «А мы тоже. Мы из Морского. Давайте, подождите, сейчас поедем вместе». — «Ну, хорошо».

Они там что-то попели, мы с ними посидели. Вышли, они по-свойски тормознули автобус, много народу набилось, и нас повезли в Морское. Пока ехали, познакомились, они оказались: половина местная из Морского, половина ребята из Запорожского кулинарного техникума, которые в Морском, в столовой, проходили практику. Приехали в Морское. Леха говорит: «Вот адрес, сейчас идите по этой улице». Они говорят: «Зачем, на фига вам надо? Вон у вас палатка есть, давайте мы вам покажем классное место, шикарно там будете жить». Привели, мы поставили палатку. Причем как-то попрощались, честно говоря, ощущение было, что на этом все. Мы сидим, хотели пойти купаться, уже вторая половина дня.

Вдруг они заявляются с бутылкой водки, мясо тащат — давайте шашлыки сделаем. Ну, чего, выпили. Естественно, когда выпьешь там либо секс, либо гитара. Начали чего-то играть. И вот тогда, наверное, прилетело первый раз: «А вы вместе играете?» Мы говорим: «Да нет, вроде не играем, каждый где-то»... Причем тогда у Цоя было своих песен пять. Были «Мои друзья», были «Два бездельника», «Не закрывай глаз», «С моей сладкой я проснулся», что-то из

Гребенщикова, что-то из «Машины времени». Потому что тогда вся страна распевала «Поворот», «Пока горит свеча». Но мы не очень любили, мы считали, что это такое предательство со стороны Макаревича, создание вот этого всего. Но тем не менее, когда кто-то запоет... И у нас вот эта тема «а вы играете вместе, не играете» была всегда. На второй вечер народу сильно прибавилось. На третий вечер еще больше. Мы там были где-то неделю. То есть днем понятно, мы купались, Витька любил очень Кабаний мыс...

Я, кстати, впервые там попробовал устриц, благодаря ему. А вот по вечерам приходил народ, причем один из последних вечеров мне очень понравился тем, что это был, как какой-то капустник. То есть не мы одни играли, было много народу, сидели, отдыхали. Местные тоже были интересные. Все наши вечера они как-то менялись, потому что этот антагонизм местных и приезжих был постоянно. Там была такая группка ребят активных местных, постарше нас были. Ну, как-то они нас нормально восприняли. Много играли все, рассказывали какие-то истории, все было здорово. А наутро нас выгнали оттуда. Пришел человек с мегафоном — встать... Потому что мы не прописались. В то время нужно было регистрироваться. Да, мент приехал, участковый местный. Я думаю, что там нажаловалась, там была околица, понятно, что мы не тихо себя вели, может, еще кто-то. Потому что я знаю, что там было недовольство дискотечников. Потому что народ шел к нам, не ходил на дискотеку. Конкуренция в то время уже не приветствовалась.

Потом мы вернулись в Питер. Самое главное, что всю неделю эти вопросы: «А вы вместе играете? Что за группа?» и т.д. висели в воздухе. А когда ехали в поезде как-то так и пошло: «Слушай, а может, нам попробовать поиграть вместе?» — «Давай». Все вроде ЗА.

Название «Гарин и Гиперboloиды» прилетело от Гребенщикова. Была какая-то вечеринка, на которой Цой играл один, и он понравился Гребенщикоу, и они начали достаточно тесно общаться. И мы уже в поезде почему-то запало, «как мы будем называться?». Ни фиги абсолютно не придумали, и на какой-то тусовке он спросил: «Борис, слушай, вот мы хотим играть. Как думаешь, как мы будем называться?» — «Гарин и Гиперboloиды». И дальше мы уже пошли в рок-клуб как «Гарин и Гиперboloиды».

А потом я в армию ушел. Но об этом не будем. Цой мне говорил: «Все, мы тебя будем ждать». Я сказал: «Вить, слушай, девки изменяют, не дожидаются. Ты чего мне хочешь сказать, что ты не будешь играть два года, не будешь репетировать? Не занимайтесь дурью, играйте, как играете. Да, мы себя называли тогда «Гиперboloиды», когда я ушел. Я был в учебке полгода. А уже когда я приехал на Кубу,

Леха прислал письмо, что мы теперь называемся «КИНО». Я такой — ну «КИНО» и «КИНО», ну, хорошо, здорово.

Алексей Рыбин:

Решили, что нужно как-то назвать нашу группу. Начали вспоминать любимые коллективы, которые назывались двумя—тремя словами. И родилось «Гарин и Гиперboloиды». Нам показалось это смешным. С таким названием мы просуществовали около года. Тогда мы уже были знакомы с Гребенщиковым. Борис Борисович сказал, что время другое, что это сейчас немодно, и совсем не подходит для новых романтиков, поэтому нам нужно новое название: одно ломовое слово. Его мы выдумывали три дня. Мы с Цоем шатались по городу и просто перебирали слова: «стена, космонавты, цирк, асфальт, пионеры, кино, театр, кино-театр, ринг, спортсмены, корабли, террариум, ярило, свет, ночь...» В то время мы уже стали тусоваться в «Сайгоне», заходили к Борису, часто были у Майка, у Гены Зайцева — главного хиппи Ленинграда и России. Гена жил недалеко от Технологического института. Как-то в очередной раз шли к нему на посиделки и проходили мимо кинотеатра «Космонавт».

А там сверкало в ночном небе слово из четырех букв: «КИНО». Ну, я решил, что это знак. Предложил Вите так назвать группу. Ему не понравилось, показалось скучным. Когда шли назад, Витя махнул рукой и сказал: «Да ладно: "КИНО", так "КИНО"». Так-то слово хорошее, всего четыре буквы, можно красиво написать на обложке альбома и нарисовать что-нибудь...

О том, что в Ленинграде создается рок-клуб, мы с Цоем узнали, если мне не изменяет память, от Гены Зайцева. Он был его первым президентом. Мы побежали, задрав штаны, туда записываться. Тогда нас было трое: я, Витя и Олег Валинский, который играл на барабанах, бонгах, раскладывал песни на голоса. Втроем выдержали назидательную беседу с Таней Ивановой. Она нам говорила, мол, о чем поете, а где идеология... На вопросы отвечали невнятно, мычали. За нас заступились Миша Файнштейн-Васильев, Гена Зайцев. И нас условно приняли. Впервые мы сыграли в рок-клубе только примерно через год. На всех концертах рок-клуба был аншлаг. Проходили они раз в месяц. Больше нигде такого не проводили. Ощущения всегда переполняли. До этого мы же играли квартирники, а здесь аппаратура, барабаны, бас-гитара, энергетика зала. Это другое...

Цой в МИФИ. Москва, 20 октября 1982 года.

Фото — Игорь Простаков

